

ОПЫТ СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ БАЗЫ ДАННЫХ РЕПРЕССИРОВАННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Исследование проведено при финансовой поддержке РФНФ (проект 11-11-70005a/m).

На протяжении десятилетий историки и исследователи темы репрессий вели споры о количестве жертв политики большевиков в СССР, их социальном статусе, национальной принадлежности, отношении к тем или иным социальным группам. В большинстве случаев эти споры были бездоказательными, так как основывались на непроверенных и ничем не подтвержденных данных. Прекращение этих споров и дискуссий в настоящее время становится возможным на основе обработки и анализа сведений, содержащихся в электронных базах данных репрессированных. Такие базы данных в Западной Сибири созданы, например, в УФСБ РФ по Кемеровской и Томской областям и Республике Алтай, в Управлении архивного дела Администрации Алтайского края. Использование этих баз данных позволяет более объективно и аргументированно рассматривать целый комплекс вопросов, связанных с массовыми репрессиями в регионе.

Ключевые слова: политические репрессии; база данных репрессированных; Западная Сибирь.

В 1990 г. во время работы по реабилитации жертв массовых репрессий у сотрудников Управления КГБ СССР по Томской области родилась идея создания Книги Памяти репрессированных жителей области. Созданием подобной Книги в стране никто не занимался, да и регламентировавшие работу по реабилитации приказы и указания КГБ СССР этого не требовали. На первых порах обработка архивно-следственных дел и накопление материалов занимали все время. Однако появилось желание понять то, кто и почему попал в жернова репрессий. Перечень кратких установочных данных и описание судеб репрессированных не давали ответов на эти вопросы. А их становилось всё больше. Почему в одних делах всего несколько листочков, а другие многостраничные? Почему дела на группы лиц насчитывали по нескольку томов? Действительно ли репрессировали только «социально чуждых» и «бывших»? Возникали вопросы и о половозрастном составе репрессированных, их социальном положении и многие другие. Появилась идея создания базы данных, обработка которых с помощью ЭВМ могла дать ответы на многие вопросы.

Электронная карточка на репрессированного содержала 32 реквизита, основными из которых были: ФИО, год и место рождения, пол, национальность, место жительства перед арестом (указание конкретного адреса), место работы и занимаемая должность, социальное положение до революции и на момент ареста, образование, партийность, дата ареста, инкриминируемая статья УК РСФСР, характер обвинения, дата осуждения, приговор (указывался в цифровом или буквенном обозначении – «Р» – расстрел, «10-5» – осуждение на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах и т.д.), дата вынесения приговора (заполнялась в случаях вынесения приговора к ВМН – расстрелу, смерти или освобождения / оправдания осужденного), номер уголовного дела и дата реабилитации. Для оптимизации заполнения отдельных реквизитов базы данных были сформированы специальные словари (по национальности, социальному положению, характеру обвинения и т.д.). Так, реквизит «характер обвинения» предполагал, в частности, указание «контрреволюционных» групп и организаций. Уже эти данные показали «широту фантазии» следователей, подчеркивали особенности выдвигаемых обвинений.

Сбор данных велся одновременно в двух направлениях. С одной стороны, готовился текст для публика-

ции в Книге, а с другой – «добирались» недостающие данные для внесения в электронную карточку. Если текстовая часть заполнялась на обычных листах размером А4, то дополнительные данные, для удобства при обработке, на четвертинках такого листа, поскольку кроме ФИО, вся остальная информация указывалась цифрами или сокращенными обозначениями в соответствии с разработанным словарем. В отработке дел и заполнении электронных карточек принимали участие многие сотрудники Управления, что позволяло ускорить процесс работы.

Первоначально шло наполнение одной базы данных, получившей название «Память». В нее были включены лица, репрессированные по печально знаменитой статье 58 УК РСФСР. Но после выхода в свет 13 августа 1990 г. Указа Президента СССР «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов» была сформирована ещё одна база данных («Память 2»), куда вошли все репрессированные до 1926 г. Сегодня она содержит данные на 1442 чел. Обе базы данных репрессированных жителей Томской области включают сведения почти на 22 тыс. чел., из которых 21 035 отнесены к категории реабилитированных. Основная работа была завершена к 2000 г., в последующий период в базу была внесена информация всего на 379 чел., дела на которых обнаружены в ходе дополнительной проверки и пересмотра сотрудниками областной прокуратуры фондов Госархива Томской области и Информационного центра УВД Томской области.

В середине 1990-х гг. база данных была официально передана Томскому отделению историко-просветительского общества (ИПО) «Мемориал» для использования в работе по обращениям репрессированных или их родственников. На протяжении ряда лет она пополнялась новыми фигурантами из числа сосланных в Томскую область «кулаков» и представителей ряда национальностей в предвоенные и послевоенные годы уже членами ИПО «Мемориал». Реабилитацией занимались органы внутренних дел. Сегодня в общей базе данных 59 723 электронные карточки – на 20 804 репрессированных по политическим мотивам и 38 919 глав семей спецпереселенцев с указанием всех членов семьи. Будучи переданной на хранение в Госархив Томской области, база сегодня доступна всем исследователям темы репрессий.

Использование БД «Память» позволило автору в работе над монографией «Репрессии. Как это было...» [1] привести целый ряд данных, характеризовавших обстановку в Западной Сибири в период репрессий, выделить закономерности их проведения, выявить национальный состав репрессированных, их возраст и образовательный уровень, социальное положение и т.д. Позднее сведения БД были использованы сотрудниками Госархива Томской области и членами общества «Мемориал» при подготовке сборников документов [2, 3 и др.]. В Алтайском крае созданная Г.Д. Ждановой автоматизированная база данных «Учёт граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР)», оказалась активно востребованной в работе над 7-томной книгой «Жертвы политических репрессий на Алтае» [4].

К сожалению, подобные базы данных созданы лишь в нескольких территориальных органах ФСБ России по той причине, что задача их формирования официально так и не была поставлена. В Западной Сибири подобные базы имеются только в УФСБ по Томской и Кемеровской областям и в Республике Алтай. В Алтайском крае такая база создана по инициативе сотрудников Управления архивного дела Администрации края. Материалы названных баз данных были использованы автором в работе над монографией «Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.)» [5].

В 2002 г. в г. Нижний Тагил состоялась международная конференция, посвященная проблеме создания единого банка. В ее работе приняли участие члены ИПО «Мемориал» и историки из России, Казахстана, Украины, стран Прибалтики, члены ряда международных фондов и организаций из Западной Европы. В ходе развернувшихся дискуссий единства в подходах к этой работе так и не было достигнуто. Причин оказалось несколько. Во-первых, практически у всех был разный «технологический» подход к созданию базы данных и поступиться своими наработками никто не хотел, отстаивая преимущества своих программ. Другой блок причин имел политический оттенок. Не будучи допущенными к архивам органов госбезопасности и МВД, многие участники предлагали обязать эти органы предоставить необходимые сведения. Складывалось впечатление, что инициаторы не имели должного представления о ситуации с архивами в этих структурах, а получить информацию очень хотели. Более того, демонстрировалось негативное отношение к названным органам, активно поддерживаемое, в частности, представителями западных областей Украины. Автор этих строк и создатель первой и достаточно полной базы данных репрессированных был даже лишен права ведения одного из заседаний в качестве председателя. С другой стороны, активно продвигалась идея включения в базу данных лиц, активно сотрудничавших с немецко-фашистскими войсками в годы Великой Отечественной войны, чего делать, конечно же, было нельзя. Имела место и инициатива включения в перечень жертв, например, немецких военнопленных, умерших в советских исправительно-трудовых лагерях во время отбытия наказания. Была создана рабочая группа по выработке единого подхода к формированию базы данных репрессированных на территории СССР. Ре-

зультатом деятельности этой группы стало создание электронной базы данных «Расстрельные списки», содержащей сведения о репрессированных из многих субъектов РФ, однако эти списки малоинформативны, так как созданы по принципу Книги Памяти.

В настоящее время главной проблемой при создании баз данных является отсутствие целевой установки на данную работу (по крайней мере, в системе правоохранительных органов) и единого подхода к ее организации. Так, например, на Смоленщине база данных содержит всего 16 поисковых полей [6. С. 8–9], а в Томске – 32. Между тем увеличение полей заметно расширяет возможности проведения аналитических исследований. Как показала практическая работа с БД «Память», достаточно 20 или чуть более «основных» позиций, поскольку заполнение остальных оказывалось чаще всего невозможным в силу разных обстоятельств либо малоинформативным. Однако в любом случае создание таких баз данных – насущная потребность, так как позволит установить действительное число репрессированных в годы советской власти и провести исследования контингента репрессированных (по национальному и половозрастному составу, образовательному уровню, социальному положению и т.д.) и мер репрессий и т.п.

Ректор Смоленского госуниверситета профессор Е.В. Козин активно использует электронную базу данных УФСБ РФ по Смоленской области в качестве исторического источника, пусть и не окончательно сформированного, поскольку работа по реабилитации жертв репрессий прерывается. Этому посвящена его монография «Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953 гг.» [6]. В классическом понимании названные электронные базы данных не могут в полной мере отвечать критериям, предъявляемым к историческим источникам. Приведенный Е.В. Козиным аргумент о продолжении работы по реабилитации весом, но, видимо, следует вести речь о появлении принципиально нового вида исторического источника, окончательное формирование которого продолжается, что ни в коей мере не может мешать его использованию. Не соглашусь с аргументом, что в ситуации постоянного пополнения базы данных за общей статистикой могут быть «потеряны» трагические судьбы отдельных людей. Для родственников репрессированных накопление и обработка собранных данных не имеют значения, так как материалы базы не предполагается публиковать [6. С. 9]. На мой взгляд, как раз пополнение баз данных (при качественной обработке исходных данных) позволит находить ранее «потерянные» судьбы.

Еще в период начала работы над Книгой Памяти «Большая людская» отмечались случаи (по групповым делам) несовпадения числа осужденных с числом арестованных по делу. Чаще всего это было связано с тем, что отдельные из арестованных в ходе следствия по разным причинам освобождались из-под стражи или умирали. Но тогда получалось, что их арест был обоснованным, а ведь период содержания под стражей иногда доходил до нескольких месяцев. Так почему освобожденных по решению суда мы включаем в число жертв репрессий, а об этих лицах должны забывать? По этой причине в Томске в Книгу Памяти такие «освобожден-

цы» включались. Так, в одном из документов тогда ещё УКГБ при СМ СССР по Томской области содержалась информация о гражданах, репрессированных по групповым делам. Проверка этих фигурантов по базе данных «Память» позволила установить гораздо большее число лиц, чем указано в документе. Например, в официальной справке речь шла о семи осуждённых «кулаках» с Беловодово Зырянского района, а по материалам дела в базу данных оказались включенными восемь человек; по делу об осуждении в ссылку промышленников вместо четверых оказалось пятеро; еще по одному делу упоминалось осуждение 38 «кулаков»-спецпереселенцев, а в базе данных содержится информация о 48 привлеченных к ответственности [7. Л. 44–45]. Такое несовпадение данных объясняется как раз включением в БД «Память» лиц, освобожденных из-под стражи во время следствия.

Таким образом, при постоянном увеличении персоналий в базе данных можно вести речь только об еще большем уточнении числа жертв репрессий. Кроме того, база данных, о которой ведет речь Е.В. Козин, не является мартирологом в прямом смысле.

В другом случае названный автор ведет речь о лицах, дела в отношении которых были по разным причинам прекращены либо эти лица были освобождены из-под стражи. Вызывает некое недоумение рассуждение о том, следует ли рассматривать этих лиц жертвами репрессий. Признавая, что в уголовных делах имеются документы об официальной реабилитации таких лиц и их надо включать в мартиролог, автор начинает рассуждать о «несоразмерности оснований для признания человека жертвой политических репрессий» — освобожден он за отсутствием состава преступления, осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей или расстрелян [6. С. 11–12]. Так может рассуждать только человек, рассматривающий жертвы репрессий как неодушевленные цифры, не осознающий, что за каждым из этих репрессированных стояли родные, близкие, коллеги, вынужденные перенести тяжелейшие морально-психологические травмы, не говоря уж о «травмах» самих «освобожденных».

Вне всякого сомнения, опыт смолян заслуживает положительной оценки. В своей работе они пошли дальше проработки собственных архивов. В частности, с учетом многократных административно-территориальных изменений в регионе они организовали поиски репрессированных смолян в других регионах страны. Однако при работе с подобными базами данных необходимо проявлять особое внимание. Так, более глубокое изучение практического изложения Е.В. Козина сведений базы данных репрессированных смолян позволяет вести речь о наличии целого ряда несоответствий и неточностей. Например, в его работе приведено много таблиц и диаграмм, она насыщена различного рода расчетами, подробный анализ которых заставляет усомниться в их объективности. В частности, в базе данных содержатся сведения о 32 111 чел. Что же касается репрессированных непосредственно на территории Смоленщины, то называется цифра 26 873 чел., 7 532 из которых были приговорены к расстрелу, а 19 341 — к разным срокам наказания [6. С. 9]. Однако в прил. 4 указано, что общее количество ре-

прессированных составляет всего 24 037 чел.; общее число приговоренных к расстрелу и различным срокам наказания при суммировании 21 156 чел. [Там же. С. 17]. Ведя речь о концлагерях, автор называет число заключенных в период с 1917 по 1953 г. — 1 791 чел. [Там же. С. 19], но уже на следующей странице пишет, что концлагеря стали формироваться с лета 1918 г., а с 1929 г. этот термин периодически употреблялся только до 1931 г. При этом в прил. 7 [Там же. С. 20] диаграмма отражает сведения о последних осужденных, направленных в концлагерь в 1943 г. Что касается числа приговоренных к различным срокам наказания, то в прил. 9 [Там же. С. 23] эта цифра составляет 17 628 чел., а с учетом направленных в ссылку, высылку [Там же. Прил. 8. С. 22] — 19 598 чел., что не соответствует ранее заявленным данным [Там же. С. 9].

Вызывает сомнение и утверждение о невозможности установить, был ли расстрелян человек, если в базе данных не указана дата приведения приговора в исполнение. Е.В. Козин утверждает, что архивно-следственные дела не позволяют установить этого, упоминая 249 персоналий [6. С. 12]. Несомненно, в отдельных случаях установить или опровергнуть факт расстрела бывает сложно. Однако в период работы над Книгой Памяти «Большая людская» с подобными случаями встречаться приходилось и часто истину установить удавалось. Так, например, у каждого архивно-следственного дела имеется ещё и контрольно-наблюдательное дело, в котором сосредоточиваются материалы служебной переписки в отношении осужденного. Очень часто в нем собраны материалы, «освещавшие» движение дела, документы, связанные с пересмотром дела в более ранние периоды (в начале 1950-х гг. дела на расстрелянных рассматривали, но реабилитирующие решения, даже если была очевидна невиновность репрессированного, не принимались). Кроме того, при реабилитации в обязательном порядке проводится проверка по оперативным учетам ФСБ — МВД. В случае необходимости можно обратиться в информационный центр МВД России (ранее он назывался Главный информационный центр МВД СССР), где могут находиться нужные сведения. Заочное осуждение к ВМН ещё далеко не расстрел, этих лиц надо просто выделять в отдельную категорию, а может быть, и провести дополнительные поиски, если приговор выносился военнослужащему, например, через архив Министерства обороны. В базе данных должна указываться окончательно определённая мера наказания.

Рассматривая работу Е.В. Козина, необходимо остановиться и на вопросе о репрессированных по национальному признаку. В прил. 17 [6. С. 31] число репрессированных к численности населения конкретных национальностей и применения к ним ВМН — расстрела, дается в процентном отношении. В таком виде сложно делать какие-либо выводы, поскольку количественные показатели не указаны. Немного ранее Е.В. Козин привел данные о численности граждан этих национальностей, проживавших на Смоленщине согласно переписи 1926 г. Однако за последующее десятилетие только в силу естественных миграционных процессов, не говоря о раскулачивании и высылке крестьян, произошли заметные изменения практически во всех регионах стра-

ны, Смоленщина не могла оказаться исключением. Невозможно согласиться и с причислением украинцев, белорусов, немцев и др. к малым народам. Говоря о них, Е.В. Козин не всегда берёт этот термин в кавычки.

Подобная трактовка событий в книге Е.В. Козина может внести ещё большую путаницу и искажения в освещение событий, связанных с массовыми репрессиями. Можно предположить, что многие из указанных несоответствий и неточностей могли быть вызваны некачественной работой сотрудников, отвечавших за ведение базы данных.

Создание электронных баз данных имеет важное значение по ряду причин. Во-первых, для ведомственных архивов ФСБ и МВД России они могут служить вспомогательным учетом, облегчающим работу с архивными материалами в случаях поступления запросов или заявлений от родственников репрессированных либо от органов власти и других учреждений и организаций. Во-вторых, создание БД является определенным гарантом сохранения информации, пусть и в усеченном виде, от различного рода техногенных катаклизмов, могущих привести к уничтожению или утрате архивных документов. В-третьих, использование сведений из названных БД открыто для всех интересующихся этой темой в условиях ограниченного доступа к персональным данным граждан. В-четвертых, проведение на основе БД аналитических исследований позволит снять многие вопросы, что, в конечном итоге, даст возможность более объективно и всесторонне рассматривать репрессивную политику большевистского руководства СССР, уйти от вольного оперирования необоснованными цифрами.

Более того, электронные базы данных позволяют уточнять информацию в источниках, в подлинности которых, казалось бы, сомневаться не приходится. Так, например, А. Тепляков в своей монографии «Машина

террора» высказал в мой адрес, со ссылкой на конкретный архивный источник, претензию об искажении данных о расстрелянных по политическим мотивам в Томской области в 1933 г. [8. С. 15]. Обращение к «Расстрельным спискам» позволило установить, что 30 апреля 1933 г. в Томске действительно были расстреляны 104 чел. из числа участников «заговора в сельском хозяйстве», но все они были жителями населённых пунктов, относящихся в настоящее время к Красноярскому краю, где в Управлении ФСБ и хранятся материалы уголовного дела в отношении них. Таким образом, факт казни подтвержден, но сокрытие информации не произошло, никто из репрессированных «потерянных» не был. Просто в результате административно-территориальных преобразований материалы из архива Томского управления госбезопасности были переданы в Красноярское. Данный пример подтверждает необходимость создания региональных баз данных, поскольку в процессе этой работы появляется возможность проведения «ревизий» архивных материалов и их систематизации. Например, в середине 1990-х гг. в ходе работы над Книгой Памяти между архивными подразделениями УФСБ и УМВД по Томской области был произведен «обмен» несколькими десятками дел, хранившихся не по месту назначения.

Таким образом, можно сделать однозначный вывод: впервые у исследователей появилась возможность на основе привлечения современных компьютерных технологий исследовать события, связанные с политическими репрессиями в СССР более глубоко и всесторонне, проследить процессы и обосновывать закономерности, ранее формулируемые только в качестве предположений и догадок, прекратить многие бессмысленные споры и дискуссии о том, кто и по каким причинам, в большей или меньшей степени пострадал от большевистского террора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. 336 с.
2. Из истории земли Томской. Год 1937... : сб. документов и материалов. Томск, 1998.
3. 1936–1937 гг. Конвейер НКВД: Из хроник «большого террора» на Томской земле. Томск ; Москва : Водолей Publishers, 2004.
4. Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. 1919–1930 : в 7 т. Барнаул : Упр. арх. дел адм. АК, 1998.
5. Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.). Томск, 2011. 330 с.
6. Козин Е.В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 270 с.
7. Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 42.
8. Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ – НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М. : Новый Хронограф; АИРО XXI, 2008. 632 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 апреля 2012 г.